

Д.А. Беговатов*

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ КАПИТАЛ КАК ИНСТРУМЕНТ
МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИИ)doi:10.31518/2618-9100-2025-4-8
УДК 364.054.2:262.143(470.331)
"180/184"*Выходные данные для цитирования:**Беговатов Д.А. Неприкосновенный капитал как инструмент материального обеспечения городского провинциального духовенства в первой половине XIX века (на примере Тверской епархии) // Исторический курьер. 2025. № 4 (42). С. 112–127. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-08.pdf>*

D.A. Begovатов*

INVIOLEABLE CAPITAL AS A TOOL
FOR MATERIAL SUPPORT OF THE URBAN PROVINCIAL
CLERGY IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY
(USING THE EXAMPLE OF THE TVER DIOCESE)

doi:10.31518/2618-9100-2025-4-8

*How to cite:**Begovatov D.A. Inviolable Capital as a Tool for Material Support of the Urban Provincial Clergy in the First Half of the 19th Century (Using the Example of the Tver Diocese) // Historical Courier, 2025, No. 4 (42), pp. 113–127. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-4-08.pdf>]*

Abstract. The role of emergency capital in the material support of the urban clergy and poor clergy in the Tver diocese in the first half of the 19th century is analyzed using archival and published sources. The article notes the growing popularity of this charity tool for providing churches, clergy, and the sphere of care for clergy, highlights its weaknesses, classifies deposits by intended purpose, defines the circle of donors, establishes a list of institutions that are custodians of capital, and identifies strategies for managing financial resources. It demonstrates an increase in the number of deposits and their size since the 1820s, as a result of which by the mid-19th century 82,9 % of city churches in the Tver diocese had interest on capital as one of their income items, while on average they accounted for 7,3 % of all receipts in favor of clergy. The formation of emergency capital to provide for the sphere of spiritual care began in the Tver diocese even before the emergence of specialized guardianship. Since the 1820s, there has been an intensive accumulation of funds in the form of deposits in credit institutions (by 1860, an increase by almost 8 times), but in most cases these amounts did not bring current income and were aimed at the “increase” of capital. In the late 1850s, a change in financial strategy occurred, when a choice was made in favor of receiving interest to provide assistance to indigent clergy. By 1860, income from “perpetual deposits” became the third most important for the Tver diocesan trusteeship and provided 21,9 % of all cash receipts of this body. A conclusion is made about the widespread use of “perpetual deposits” among the urban parishes of the Tver diocese, the importance of target capital for the Tver diocesan trusteeship, but a relatively modest role in the matter of material support of the clergy.

Keywords: emergency capital, target capital, “eternal deposit”, bank deposit, Tver diocese, Orthodox clergy, city clergy, material support, spiritual care, Tver diocesan guardianship.

The article has been received by the editor on 29.04.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Дмитрий Александрович Беговатов**, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет, Тверь, Россия, e-mail: begovatov1986@mail.ru
Dmitry Aleksandrovich Begovatov, Candidate of Historical Sciences, Tver State University, Tver, Russia, e-mail: begovatov1986@mail.ru

Аннотация. На архивных и опубликованных источниках анализируется роль неприкосновенных капиталов в материальном обеспечении служащего городского духовенства и бедных лиц духовного звания в Тверской епархии в первой половине XIX в. Отмечается рост популярности данного инструмента благотворительности для обеспечения храмов, причтов и сферы духовного призрения, акцентируются его слабые стороны, проводится классификация вкладов по целевому назначению, определяется круг жертвователей, устанавливается перечень учреждений-хранителей капиталов, выявляются стратегии управления финансовыми средствами. Демонстрируется увеличение количества вкладов и рост их размеров с 1820-х гг., в результате чего к середине XIX в. 82,9 % городских церквей Тверской епархии имели в качестве одной из статей дохода проценты с капиталов, при этом в среднем на них приходилось 7,3 % всех поступлений в пользу причтов. Формирование неприкосновенного капитала для обеспечения сферы духовного призрения начинается в Тверской епархии еще до появления профильного попечительства. С 1820-х гг. идет интенсивное накопление средств в виде вкладов в кредитных учреждениях (к 1860 г. рост почти в 8 раз), однако в большинстве случаев эти суммы не приносили текущего дохода и были ориентированы на «приращение» капитала. В конце 1850-х гг. происходит изменение финансовой стратегии, когда делается выбор в пользу получения процентов для оказания помощи неимущим лицам духовного звания. К 1860 г. доход от «вечных вкладов» стал третьим по значимости для Тверского епархиального попечительства и обеспечил 21,9 % всех денежных поступлений данного органа. В заключение делается вывод о широкой распространенности «вечных вкладов» в среде городских приходов Тверской епархии, важности целевых капиталов для Тверского епархиального попечительства, но сравнительно скромной роли в деле материального обеспечения духовенства.

Ключевые слова: неприкосновенный капитал, целевой капитал, «вечный вклад», банковский вклад, Тверская епархия, православное духовенство, городское духовенство, материальное обеспечение, духовное призрение, Тверское епархиальное попечительство.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025 г.

Первая половина XIX в. – эпоха масштабных изменений в России, которые затронули общество в целом и православное духовенство как его важную часть. Со времени правления императоров Павла I и Александра I наблюдается постепенное повышение социального статуса священно- и церковнослужителей Русской православной церкви: они освобождаются от все большего числа повинностей, закладывается традиция награждения их светскими орденами, возникает стройная четырехуровневая система духовных школ (благодаря чему данное сословие становится одним из самых образованных в государстве), предпринимаются шаги, нацеленные на создание системы социального призрения заштатных клириков и членов их семей и пр.¹

Одновременно с этим в первой половине XIX в. появляются маркеры, свидетельствующие о превращении служителей алтаря из «требоотправителей» в важнейший инструмент реализации внутренней политики имперского правительства; данная трансформация неоднократно отмечалась и анализировалась еще в дореволюционный период². Действительно, в предреформенные десятилетия государство начинает активно привлекать священнослужителей к решению широкого круга насущных проблем: помимо курирования приходской жизни, окормления и назидания паствы, духовенству вменяется в обязанность повышение

¹ Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви. 1700–1890. М., 1999. С. 552–569, 581–596.

² См., например: Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. СПб., 1901; Фиолетов Н.Н. Государство и церковь. М., 1917.

образовательного уровня населения, проведение статистических и исторических исследований, участие в оспопрививании, осуществление контроля за правильностью погребений на кладбищах, популяризация передовых сельскохозяйственных культур, пропаганда санитарных норм и пр. Общий перечень функций, переданных клирикам, выходил за рамки традиционной триады «служить, учить, руководить», насчитывал несколько десятков составляющих повседневной служебной практики и в некотором отношении сближал священников с государственными служащими³.

Несмотря на пристальное внимание со стороны власти и некоторое повышение социального статуса представителей духовного сословия, вопрос их материального обеспечения оставался подлинным «гордиевым узлом». Данная тема активно разрабатывалась в дореволюционной, советской, постсоветской и зарубежной историографии. Практически ни одно научное или публицистическое сочинение, касающееся Русской православной церкви и ее служителей в XIX в., не обходилось без анализа этого сложного аспекта⁴. Чрезвычайно высокое внимание к экономической стороне жизни клириков и православных приходов обусловлено масштабом проблемы, а также тяжестью последствий ее нерешенности: постепенно этот «хозяйственный» вопрос приобретал социально-политический оттенок, угрожая основам Российской империи.

В существующей историографии достаточно подробно проанализированы основные статьи доходов штатных и заштатных священно- и церковнослужителей, членов их семей и приходских общин, однако на периферии внимания остается такой специфический источник материального обеспечения, как неприкосновенный капитал, что побуждает к его пристальному анализу.

Объектом данного исследования является благотворительность в русском обществе в XIX в., предметом исследования – неприкосновенные капиталы (целевые вклады) как инструмент материального обеспечения городского провинциального духовенства в первой половине XIX в. на примере Тверской епархии/губернии. Выбор данного региона обусловлен тем, что в дореволюционный период он был типичной провинциальной губернией центральной нечерноземной полосы страны, а потому полученные исследовательские результаты отражают общий тренд, характерный для данной части Российской империи. Цель работы – определить роль неприкосновенных капиталов (целевых вкладов) в материальном обеспечении городского духовенства Тверской епархии в первой половине XIX в. Хронологические рамки исследования охватывают первую половину XIX столетия, однако верхняя граница данного периода трактуется расширительно и доходит до 1860 г., включая, таким образом, предреформенное десятилетие.

Основу источниковой базы составили документы Государственного архива Тверской области, содержащиеся в фондах Тверской духовной консистории и Тверского епархиального попечительства: в них содержится информация о размере банковских накоплений храмов епархии, о текущей работе Тверского епархиального попечительства, об изменении

³ [Милош] Никодим. Православное церковное право. СПб., 1897. С. 413–419; Леонтьева Т.Г. Формирование и деятельность церковной интеллигенции Тверской губернии // Тверская старина. 1994. № 3. С. 3–27; Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003; Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, 2009.

⁴ См., например: [Белюстин И.С.] Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin, 1858. Т. 4; [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве в России: в 2 т. Лейпциг, 1866; Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873; Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви...; Кильчевский В.А. Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908; Рындзюнский П.Г. Церковь в дворянской империи (XVIII в.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 230–308; Литвак Б.Г. Русское православие в XIX в. // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 309–379; Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983; Римский С.В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 1; Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002; Розов А.Н. Священник в духовной жизни...; Пулькин М.В. Православный приход...

политики епархиального руководства по оказанию помощи неимущим духовного звания и пр. Также были привлечены опубликованные статистические данные по епархиям Российской империи, произведения публицистов середины XIX в., а также мемуарная литература, которые позволили дополнить, сопоставить и верифицировать информацию, почерпнутую из архивных документов.

Внимание к городскому отряду духовенства обусловлено двумя аспектами: данная часть сословия ввиду высокого уровня образования и нахождения рядом с органами власти была способна решать широкий спектр задач, которые ставились правительством, а специфическая в социально-экономическом отношении городская среда способствовала более активному формированию «вечных вкладов» в кредитных учреждениях.

Вопрос материального обеспечения представителей духовного сословия в Российской империи был острым и общественно значимым: от успешности его решения зависела эффективность выполнения клириками своих функций, а также степень и направление влияния священнослужителей на общество. Ввиду этого инициативы, направленные на поиск выхода из сложившейся проблемной ситуации, можно рассматривать как важный социальный проект.

Доходы православных приходов и служащего духовенства в большинстве случаев были невелики и складывались из множества составляющих: поступления от совершения треб, кружечных и тарелочных сборов, сдачи в аренду земли и недвижимости и пр. Особняком среди них стояли неприкосновенные капиталы (целевые вклады), помещенные в кредитные учреждения для «приращения» и/или получения процентов. Д.И. Ростиславов, известный дореволюционный публицист и профессор Санкт-Петербургской духовной академии, утверждал, что роль таких финансовых инструментов в материальном обеспечении причтов была очень незначительной ввиду малого количества вкладов и небольшого размера капиталов, проценты с которых не могли обеспечить удовлетворение потребностей служителей алтаря⁵. Данный тезис нуждается в проверке.

Количество банковских вкладов, которыми располагали городские приходы Тверской епархии в первой трети XIX в., а также размер данных сумм позволяет установить ведомость 1830 г. К этому времени зафиксировано наличие у церквей Твери 37 неприкосновенных капиталов, тогда как у храмов остальных городов губернии – только 15. Данные средства были помещены в Санкт-Петербургский и Московский опекунские советы, в Государственный заемный банк, в Тверской и Тульский приказы общественного призрения⁶.

Общая сумма неприкосновенных капиталов городских храмов Тверской епархии к 1830 г. составляла 2 тыс. руб. серебром и 49 679 руб. ассигнациями, что при переводе на серебро по курсу данного года давало в общей сложности 15 463 руб. серебром. Суммы вкладов демонстрировали серьезный разброс и варьировались в пределах от 50 руб. ассигнациями до 2 тыс. руб. серебром. В качестве жертвователей выступали представители разных частей русского общества: архиерей, офицеры, гражданские чиновники, купцы, мещане, приходские священнослужители и члены их семей, представители интеллигенции (учителя), а также анонимные лица. В отдельных случаях неприкосновенный капитал образовывался по завещанию, что являлось продолжением древней практики молитвенного поминовения усопших, но в несколько обновленной форме⁷.

Согласно ведомости 1830 г., за весь XVIII в. в Тверской епархии было сделано лишь одно целевое пожертвование, проценты с которого должны были идти на благотворительные цели: это был капитал митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Гавриила (Петрова), оформленный в год назначения архипастыря на столичную кафедру. Данные средства были нацелены на решение проблем самой незащищенной части духовного сословия – престарелых и больных лиц, содержащихся в епархиальной богадельне. Внимание митро-

⁵ [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве... Т. 1. С. 286.

⁶ Подсчитано по: Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 160. Оп. 1. Д. 3890. Л. 2–3 об.; Д. 5956. Л. 188–196.

⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188–196.

полита Гавриила (Петрова) к Тверской епархии объясняется тем, что она стала его первой кафедрой после хиротонии во епископа, и на тверской земле он провел 7 лет в качестве архиерея⁸.

Следует отметить, что данный капитал стоит особняком среди прочих: хотя он и был закреплён за тверским кафедральным Спасо-Преображенским собором, однако это, вероятно, стало следствием отсутствия учреждений, которым можно было бы поручить управление средствами и контроль за их распределением. Таким образом, сам храм и его причт от данного вклада никакой прибыли не получали.

Остальной 51 неприкосновенный капитал, имевшийся в распоряжении городских церквей Тверской епархии, был сформирован в первые три десятилетия XIX столетия. Его распределение по пятилетним интервалам демонстрирует рост популярности данного инструмента «долгосрочной благотворительности», что становится особенно заметным в 1820-е гг.: в 1801–1805 гг. было сделано 2 пожертвования в виде целевых вкладов, по которым начислялись проценты, в 1806–1810 гг. – 3, в 1811–1815 гг. – 6, в 1816–1820 гг. – 4, в 1821–1825 гг. – 15, в 1826–1830 гг. – 21⁹.

Все неприкосновенные капиталы, пожертвованные в 1801–1830 гг. в пользу городских храмов Тверской епархии, можно классифицировать по целевому назначению. Первую группу составляют вклады, сделанные в пользу служащего духовенства: на них приходится 28 из 51 пожертвований; в абсолютном выражении в переводе на серебро это составляло 5 341,6 руб. серебром и 39,7 % всех внесенных средств¹⁰.

По размеру вкладов в пользу священно- и церковнослужителей первое место в епархии занимал тверской кафедральный Спасо-Преображенский собор: с 1811 по 1830 г. на эти цели было внесено почти 4 900 руб. ассигнациями. (1 326,8 руб. серебром по курсу 1830 г.)¹¹. Однако соборный причт был достаточно обширным и в первые три десятилетия XIX в. включал от 3 до 5 священников, 2–3 дьякона, от 6 до 12 церковнослужителей, сторожей и звонарей¹². По этой причине неприкосновенные капиталы некоторых приходских храмов губернского центра, созданные для материальной поддержки клира, превосходили главный собор епархии при пересчете на число комплектов духовенства (термин «комплект» заимствован из источников эпохи, являлся распространенным и обычно подразумевал группу церковных служителей, достаточную для полноценного отправления богослужений, т.е. состоящую из священника, дьякона и двух причетников¹³).

Так, в пользу духовенства Предтеченской и Сергиевской церквей Твери было внесено по 2 тыс. руб. ассигнациями, на причты Симеоновского и Николаевского (на Зверинце) храмов – по 1,9 тыс. руб. ассигнациями, на клиры Мироносицкой и Вознесенской (на Проспекте) церквей – по 1 тыс. руб. ассигнациями. Неприкосновенные капиталы, предназначенные для улучшения благосостояния причтов уездных городов, иногда равнялись тверским аналогам или даже превосходили их; в качестве примеров можно указать на Предтеченский храм г. Торжка и Предтеченскую церковь г. Старицы, в пользу духовенства которых было внесено по 2 тыс. руб. ассигнациями¹⁴.

Вторая группа пожертвований – это смешанные в целевом отношении вклады, которые подразумевали две или три группы получателей дохода, производимого капиталом: ими могли являться приходские клирики, сама церковь (в данном случае подразумевалось удовлетворение хозяйственных потребностей храма и его благоустройство), бедные лица

⁸ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188; Богданов А.И. Гавриил (Петров) // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 224–225.

⁹ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188–196.

¹⁰ Подсчитано по: Там же. Л. 188–196.

¹¹ Подсчитано по: Там же. Л. 188–188 об.

¹² ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16490. Л. 1–9 об.; Д. 16495. Л. 1–12 об.; Д. 16500. Л. 1–8 об.; Д. 16505. Л. 1–11 об.; Д. 16511. Л. 1–10 об.; Духовенство и приходы города Твери и Тверского уезда. 1801 год: Клировые ведомости / сост. С.С. Кузин. Тверь, 2008. С. 11–14.

¹³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16159. Л. 1, 25–25 об.

¹⁴ Там же. Д. 5956. Л. 188–196.

духовного звания, прочие нищие. К 1830 г. зафиксирован 21 подобный вклад, общая сумма которого составляла в переводе на серебро 7 850,5 руб. и 58,3 % всех внесенных средств¹⁵.

В большинстве случаев жертвователь указывал, в каких пропорциях должны распределяться средства, получаемые в виде процентов. Наиболее распространенными были три схемы разделения дохода: 4/5 суммы – на священно- и церковнослужителей и 1/5 – в пользу приходской церкви; 2/5 процентов – на бедных лиц духовного звания, 2/5 – клирикам, 1/5 – храму; в равных пропорциях (по 50 %) – церкви и духовенству¹⁶.

Неприкосновенный капитал, предназначенный для удовлетворения хозяйственных потребностей прихода, как самостоятельный вид вклада в городах Тверской епархии в 1801–1830 гг. не встречается (в последующие десятилетия такие случаи обнаруживаются, но исключительно редко). По желанию жертвователя «на церковные нужды» могло направляться от 20 до 67 % получаемого в виде процентов дохода¹⁷.

Подобные вклады обеспечивали храму экономию на хозяйственных расходах и тем самым могли косвенно служить улучшению материального положения духовенства прихода, так как покрывали соответствующие издержки и позволяли больше средств распределять между членами клира. В целом, как констатировал в начале XX в. В.А. Кильчевский, «средства и имущества <...> церкви не отделены вполне от средств причта»; одним из проявлений и следствий этого было то, что «если жертвуется капитал в пользу причта, то самый капитал считается церковным, и лишь проценты с него поступают в пользу причта»¹⁸. В дореформенный период ситуация принципиально не отличалась.

В отдельных случаях за счет дохода с капиталов, предназначенных для финансирования хозяйственной стороны жизни прихода, имела возможность оказать прямую помощь клиру; примером может служить постройка дома для священно- и церковнослужителей, т.е. решение их «жилищного вопроса», который в дореволюционный период был одной из главных проблем для представителей духовного сословия¹⁹.

Таким образом, практически любой «вечный вклад», сделанный в пользу церкви (за исключением пожертвований на нищих), в той или иной степени мог решать проблемы материального обеспечения служащего духовенства.

Два вклада (из 51), положенных в пользу городских храмов епархии в 1801–1830 гг., выбиваются из общего ряда и образуют группу капиталов, не имеющих конкретного целевого назначения: в одном случае отсутствовало в принципе какое-либо сопроводительное указание жертвователя, во втором отмечалось, что деньги были внесены на вечное поминовение²⁰.

Так как подавляющее большинство вкладов было сделано в ассигнациях, то из-за колебания курса последних по отношению к серебряному рублю некоторые из пожертвований со временем существенно теряли в стоимости; особенно сильно это затронуло капиталы, сформированные до 1808 г., так как после этого ассигнации обесценились в три и более раз. Обратные примеры – когда пожертвования были сделаны в период низкого курса ассигнаций, который затем несколько вырос – также имелись, но их было немного, а положительная динамика была незначительной²¹. Единственным исключением в этом отношении стал вклад митрополита Гавриила (Петрова), сделанный в 1783 г. в серебряных рублях.

Как отмечалось выше, создателями неприкосновенных капиталов выступали представители различных слоев русского общества. В 1801–1830 гг. в городах Тверской епархии

¹⁵ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188–196.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188–207 об.; Д. 15761, 15836–15838, 15940–15942, 16004, 16084, 16086, 16159, 16226, 16292, 16363, 16364, 16400, 16401, 16453, 16476, 16477, 16532.

¹⁸ Кильчевский В.А. Богатства и доходы духовенства... С. 27–28.

¹⁹ Там же. С. 28.

²⁰ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 188, 190, 196.

²¹ Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением Императорского Русского географического общества. Кн. 2. СПб., 1854. С. 151, 155; Гольдман В. Русские бумажные деньги. СПб., 1866; Шторх П. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Ч. CXXXVII. С. 829–830.

зафиксировано лишь два случая, когда средства в кредитные учреждения для последующего получения дохода в виде процентов вносили сами священнослужители. Так, в 1821 г. причт Троицкого собора г. Осташкова продал дом, пожертвованный храму купцом, а вырученные деньги (4 050 руб. ассигнациями) обратил во вклад. В 1826 г. духовенством Крестовоздвиженской церкви г. Бежецка из остаточных кошельковых сумм было отослано «для приращения» 750 руб. ассигнациями²²; строго говоря, лишь этот капитал можно считать в полной мере сформированный самим причтом, так как в первом случае наблюдался скорее перевод одной формы пожертвования в другую. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев «вечные вклады» церквей формировались не клириками, а сторонними лицами.

С 1820-х гг. наблюдается рост популярности неприкосновенных капиталов как особой формы благотворительности; во второй трети XIX в. количество подобных вкладов существенно увеличилось, а вносимые суммы выросли в разы. Например, за 1851 г. в пользу храмов г. Бежецка, Вышнего Волочка, Кашина и Торжка было сделано 11 пожертвований такого рода на общую сумму в 8 390 руб. серебром, из них капиталы, доход с которых должен был идти в пользу причтов, составляли в общей сложности около 7 тыс. руб. серебром. В уездных городах отдельные вклады достигали 1,5–2 тыс. руб. серебром, а в 1859 г. по завещанию купца г. Кашина на духовенство 19 церквей города было внесено 12 тыс. руб. серебром²³.

Чтобы оценить значимость этих сумм, можно обратиться к очерку «Тверское современное духовенство, или Краткий перечень лиц белого и черного духовенства», написанному в 1852 г. тверским протоиереем В.Ф. Владиславлевым. При характеристике приходского духовенства данный священник дал следующую оценку годовым доходам священнослужителей губернской столицы: «Каждый городской священник получает до 1 000 руб. ассигнациями» <...> Я не говорю об иных приходах, где священнику может прийти до 1 000 руб. серебром»²⁴. Таким образом, формируемые в это время неприкосновенные капиталы можно оценить как достаточно значительные по размеру.

Анализ клировых ведомостей городских церквей Тверской епархии показывает, что в начале 1850-х гг. 102 из 123 городских храмов с собственными причтами (82,9 %) имели в качестве одной из статей дохода проценты со вкладов. Их доля в совокупности денежных поступлений клира варьировалась от 0,3 % (Преображенская церковь г. Ржева) до 38,4 % (Тверской Христорождественский монастырь), но в среднем составляла около 7,3 %²⁵.

Что касается упомянутой обители, то доход ее причта в целом был невелик: он складывался из мизерного жалования, денежных поступлений от прихожан и процентов с неприкосновенного капитала. К 1854 г. монастырские священно- и церковнослужители имели вкладов почти на 9 тыс. руб. серебром, которые приносили доход по ставке в 4 %²⁶. То, что духовенство обеспечивалось более чем на треть за счет процентов, вероятно, было обусловлено спецификой места служения: обители традиционно являлись местом молитвы и поминовения, а потому значительное количество «вечных вкладов» не вызывает удивления.

Сравнение документов первой трети и середины XIX в. демонстрирует некоторые изменения в составе жертвователей: к прежним меценатам добавляются помещики, почетные граждане, а в одном случае упомянуто «Затверецкое городское сообщество» (Тверь). Также налицо сохранение традиции внесения средств по завещанию или же осуществление пожертвований наследниками почившего на помин его души²⁷.

²² ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5956. Л. 196, 207 об.

²³ Подсчитано по: Там же. Д. 5960. Л. 22–22 об., 31 об.–32, 34, 40–40 об.; Д. 6302. Л. 85–87; Д. 6340. Л. 3, 41 об., 63, 93 об., 106 об.–107; Д. 6442. Л. 160.

²⁴ Из истории провинциального духовенства: записки священника В.Ф. Владиславлева. Хрестоматия. Тверь, 2012. С. 215.

²⁵ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15761, 15836–15838, 15940–15942, 16004, 16084, 16086, 16159, 16226, 16292, 16363, 16364, 16400, 16401, 16453, 16476, 16477, 16532.

²⁶ Там же. Д. 16532. Л. 59 об.–60.

²⁷ Там же. Д. 5960. Л. 40–40 об.; Д. 6340. Л. 41 об., 63, 93 об.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. наблюдается рост популярности «вечных вкладов» как средства помощи церквям и причтам. В качестве жертвователей выступали представители разных сословий и социальных групп, а также городские обществу. Городские храмы Тверской епархии к середине XIX в. имели достаточно большие накопления, что соответствует аналогичным тенденциям в других епархиях Российской империи²⁸.

Д.И. Ростиславов отмечал, что доходы от капиталов почти не влияли на материальное обеспечение духовенства²⁹. Следует отметить, что это заключение было сделано автором в масштабе всей Русской православной церкви и Российской империи, так как ситуация от региона к региону могла меняться, в городской и сельской среде отличалась и даже внутри городов могла существенно разниться. Пример Тверской епархии показывает, что к середине XIX в. более 4/5 городских храмов имели неприкосновенные капиталы, которые давали постоянный доход в виде процентов, тогда как 1/5 приходов не располагала подобными вкладами.

Приходится констатировать, что в целом роль данного финансового инструмента в материальном обеспечении духовенства была небольшой: в среднем проценты с вкладов давали 7,3 % от общей совокупности доходов причтов, хотя были и исключения (например, тверской Христорождественский монастырь). Главной проблемой было то, что доходность депозитов в кредитных учреждениях России в дореформенный период составляла от 2,4 до 6 %, но чаще 4 %³⁰. Ввиду этого сформировать столь значительный капитал, который бы мог за счет процентов обеспечить значительную часть материальных потребностей духовенства, было крайне сложной задачей.

Практически все публицисты XIX в. отмечали стесненное материальное положение служащего духовенства: нехватку средств для поддержания достойного уровня жизни, сложности с обучением детей в духовных школах, трудности в решении «жилищного вопроса» и пр.³¹ Однако в гораздо более тяжелом положении находилась другая часть духовного сословия – заштатные клирики, не имевшие места для служения, а также вдовы и сироты священно- и церковнослужителей. Полноценная система социального призрения в Русской православной церкви в дореформенный период так и не сложилась, а потому представителям названных групп приходилось буквально выживать вне зависимости от того, в городе или в сельской местности они обитали. Тверская епархия в этом отношении не являлась исключением.

Светские и церковные власти пытались решить проблему финансирования сферы духовного призрения различными способами, в том числе за счет формирования капитала в кредитных учреждениях. Пример этому подавался на самом высоком уровне: еще в 1791 г. императрицей Екатериной II была одобрена передача средств, накапливавшихся в Синодальной типографии, в Заемный банк для оказания помощи духовенству за счет приращения капитала³². К началу 1820-х гг. в данном кредитном учреждении находилось уже почти 100 тыс. руб. синодальной типографской суммы, на проценты с которой выплачивалась

²⁸ Фриз Г.Л. Менталитет приходского священника: «Мнения» об улучшении быта духовенства 1863 года (Владимирская епархия) // Провинциальное духовенство дореволюционной России: сб. науч. тр. Тверь, 2008. Вып. 3. С. 130.

²⁹ [Ростиславов Д. И.] О православном белом и черном духовенстве... Т. 1. С. 286.

³⁰ См., например: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 16159. Л. 49 об.; Д. 16521. Л. 1 об.–2 об., 25 об., 49 об.; Д. 16532. Л. 53 об.; Ф. 318. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–4 об.; Таблицы для вычисления процентов как по займам по залогу имений, так и по внесенным капиталам, в банках, сохраненных казнах Опекунского совета, Комиссии погашения долгов, и по частным расчетам. СПб., 1839; [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве... Т. 1. С. 286.

³¹ См., например: [Белюстин И.С.] Описание сельского духовенства...; [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве...; Васильевский И. Вице-директор аудиториатского департамента Зиновий Васильевич Вишняков как благотворитель бедного духовенства Тверской епархии // Тверские епархиальные ведомости. 1889. № 21 (неофициальная часть). С. 768.

³² Иконников С.А. Учреждение эмеритальных касс в епархиях Центрального Черноземья во второй половине XIX века: к истории вопроса // Манускрипт. 2018. № 6 (92). С. 23–24.

пенсия «белому духовенству при штатных соборах и церквях <...> и уволенным от должности чиновникам по ведомству Святейшего Синода»³³.

Данная модель решения острого социального вопроса усваивалась духовными властями на региональном уровне, а отдельные случаи такого рода фиксируются и ранее указа Екатерины Великой: выше уже упоминалось о капитале в 2 тыс. руб. серебром, который положил в 1783 г. на обеспечение опекаемых в богадельнях Тверской епархии митрополит Гавриил (Петров)³⁴.

Тверское епархиальное попечительство, занимавшееся вопросами социальной помощи, было учреждено в 1823 г. в рамках общегосударственной инициативы по улучшению положения самой незащищенной части духовного сословия. Впрочем, попытки решить проблемы неимущих лиц духовного звания наблюдались в регионе и ранее: первые пособия начали выдаваться епархиальными властями еще в 1816–1817 гг.³⁵

В предреформенные десятилетия на местном уровне шел процесс формирования капиталов для обеспечения потребностей бедных лиц духовного звания. Интерес представляет ситуация, которая сложилась в данной сфере в Тверской епархии на рубеже 1819–1820 гг. К этому моменту средства, которыми располагало епархиальное начальство для помощи нуждающимся клирикам и членам их семей, составляли 16 977,7 руб.: в опекунском совете находилось 14 820 руб. и еще 2 157,7 руб. лежали наличными в «кладовой палатке» архиерейского дома. В течение 1819 г. на выдачу пособий нуждающимся было потрачено только 645 руб.: они включали выплаты 30 лицам, числящимся в епархиальной богадельне (на каждого тратилось по 10 руб. в год, всего 300 руб.), а также суммы, розданные «разным сиротам» (всего 345 руб.), при этом размер единовременной помощи варьировался в пределах от 7 до 25 руб.

В то же время за 1819 г. епархиальному руководству из 10 разных источников поступило на цели призрения лиц духовного звания в общей сложности 4 040,96 руб. В итоге по окончании года было принято следующее решение: из имевшихся в архиерейском доме наличных средств оставить для выдачи вспоможений 657,7 руб. (т.е. чуть больше, чем было истрачено в предыдущем году), а остальные 1,5 тыс. руб. отослать в опекунский совет для увеличения неприкосновенного капитала³⁶.

Исключительную недостаточность направляемых на выдачу пособий средств иллюстрирует следующий факт: по данным на 1822 г. в Тверской епархии насчитывалось 2 550 человек «безместных престарелых и увечных священно- и церковнослужителей с семьями, просвириц, прочих вдов и сирот»³⁷. Несмотря на столь большое количество нуждающихся, духовное руководство отдавало приоритет не текущему оказанию помощи, а формированию неприкосновенного капитала для обеспечения будущего сферы духовного призрения епархии. Данная тенденция сохранилась до 1850-х гг.³⁸

За первую половину XIX в. тверской епархиальный орган опеки существенно увеличил свой денежный фонд: в конце 1820 г. (еще до образования попечительства) капитал, содержащийся в Московском опекунском совете, составлял почти 20 тыс. руб. ассигнациями, в 1823 г. – без малого 29 тыс. руб. ассигнациями (еще более 1 тыс. руб. ассигнациями имелось наличными средствами), в 1837 г. – около 44 тыс. руб. ассигнациями в билетах кредитных учреждений (еще почти 12 тыс. руб. ассигнациями – наличными), в 1847 г. – более 16 тыс. руб. серебром (и около 6 тыс. руб. серебром наличными), в 1857 г. – почти

³³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3224. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 13; Д. 5956. Л. 188.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ РИ-1). СПб., 1830. Т. 38. № 29583. С. 1169–1176; ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 657. Л. 3. Ср.: Спичак А.В. Система попечительства о женщинах духовного звания в Тобольской епархии в 1820–1830-х годах // Научный диалог. 2021. № 2. С. 386; Кругликов А.С. К организационно-правовым аспектам деятельности Тобольского епархиального попечительства о бедных духовного звания // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 38. С. 124.

³⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2584. Л. 1 об.–3, 10–11 об. См. также: Там же. Д. 3224. Л. 157 об.–158.

³⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3224. Л. 159.

³⁸ См., например: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5960. Л. 11–11 об.

35,8 тыс. руб. серебром в билетах кредитных учреждений (еще более 3 тыс. руб. наличными), но в 1860 г. капитал уменьшился до 35,5 тыс. руб. серебром (еще почти 9,5 тыс. руб. осталось наличными)³⁹.

Если принять во внимание соотношение серебряного и ассигнационного рубля (1:3,5 в данный период⁴⁰), то за указанные 40 лет фонд социальной помощи вырос почти в 8 раз, причем значительную его часть составляли вклады в кредитных учреждениях; в конце 1850-х гг. в качестве таковых упоминаются Московский опекунский совет, Санкт-Петербургская сохранная казна, Тверской приказ общественного призрения, а также банк (без конкретизации)⁴¹.

В середине XIX в. в пользу бедных духовного звания было сделано пожертвование, которое вошло в историю Тверской епархии и серьезно увеличило капитал Тверского епархиального попечительства: З.В. Вишняков, вице-директор аудиторского департамента из Санкт-Петербурга, завещал данному органу 15 тыс. руб. серебром, которые после смерти мецената († 1852 г.) в 1853 г. были помещены в кредитное учреждение. Получаемый с капитала доход должен был распределяться между нуждающимися представителями духовного сословия, при этом предпочтение должно было отдаваться лицам, проживавшим в Корчевском уезде Тверской губернии. Такой выбор был обусловлен тем, что З.В. Вишняков являлся уроженцем упомянутого уезда, происходил из семьи бедного многодетного пономаря, некоторое время учился в низших классах Тверской духовной семинарии и в юные годы испытал на себе всю тяжесть нищенской жизни. Завещанный им капитал стал крупнейшим банковским вкладом в пользу попечительств о бедных духовного звания, сделанным в Российской империи в первой половине 1850-х гг., а в 1853 г. он составил более 16 % всех подобных пожертвований в стране. Вклад З.В. Вишняков был настолько значительным, что даже в конце XIX в. он составлял шестую часть всех средств Тверского епархиального попечительства⁴².

Наряду с увеличением капитала, которое шло с 1820-х гг., в середине XIX в. стала фиксироваться и обратная тенденция: с 1849 г. расход тверского епархиального органа духовного призрения в отдельные годы стал превышать доход, в результате чего началось периодическое истребование из кредитных учреждений отдельных вкладов для покрытия возникающего дефицита. Например, в 1850 г. общая сумма накоплений уменьшилась на 1 142,85 руб., в 1851 г. – на 3 тыс. руб., в 1853 г. – на 1 142,85 руб., в 1855 г. – на 873,94 руб.⁴³ В предшествующее десятилетие (в 1840-е гг.) в документах зафиксирован лишь один подобный случай: в 1841 г. был запрошен капитал на сумму 1 714,28 руб.⁴⁴

Обращение к вкладам для покрытия текущих потребностей сферы духовного призрения вызывало недовольство местного архиерея, но получало его санкцию – впрочем, с указанием

³⁹ Подсчитано по: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1729. Л. 41; Ф. 318. Оп. 1. Д. 9. Л. 3 об.–4 об.; Д. 514. Л. 65 об.–66 об., 136 об.–137 об., 187 об., 260 об., 355 об., 403 об., 449 об., 494 об., 524 об., 559 об.; Д. 654. Л. 7, 17–18; Д. 657. Л. 3; Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1838 год. СПб., 1839. Ведомости. С. 82–83; Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1848 год. СПб., 1849. Ведомости. С. 90–91; Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1858 год. СПб., 1860. Ведомости. С. 124–125; Извлечение из отчета по Ведомству православного исповедания за 1861 год. СПб., 1864. Ведомости. С. 118–119.

⁴⁰ Гурьев А.Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 71, 79, 83, 125.

⁴¹ ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об.–5.

⁴² Там же. Д. 514. Л. 446 об.; Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1851 год. СПб., 1852. Ведомости. С. 94–97; Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1852 год. СПб., 1853. Ведомости. С. 94–97; Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1853 год. СПб., 1854. Ведомости. С. 94–97; Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1854 год. СПб., 1855. Ведомости. С. 80–83; Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1855 год. СПб., 1856. Ведомости. С. 94–97; Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1856 год. СПб., 1857. Ведомости. С. 94–97; Васильевский И. Вице-директор аудиторского департамента... С. 689–691.

⁴³ ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 514. Л. 260 об., 355 об., 449 об., 524 об.

⁴⁴ Там же. Д. 526. Л. 187 об.

епархиальному попечительству впредь стремиться к достижению баланса расходов и доходов⁴⁵.

Следует указать на важный момент: до 1859 г. большая часть капитала Тверского епархиального попечительства не приносила текущего дохода – проценты выплачивались только при закрытии вклада (часто спустя десятилетия после его оформления в кредитном учреждении), а до этого момента все средства шли на увеличение основной суммы депозита. Например, в 1857 г. вместе с истребованным вкладом были получены проценты, накопленные за 31 год: вместо 571 руб., положенных в 1826 г., было выдано 1 511 руб. Только с конца 1850-х гг. епархиальное начальство начинает перевод накопленных средств из вкладов в билеты, приносящие ежегодный доход в 4 %⁴⁶. Благодаря этому в 1860 г. попечительство получило в виде процентов почти 2 700 руб., тогда как в 1857 г. текущий доход приносили лишь два билета, которые дали в общей сложности 672 руб.⁴⁷ Если суммировать все денежные поступления попечительства за 1860 г. (без учета возвращенных долгов, пожертвований билетами кредитных учреждений и пр.), то доля процентов, полученных от неприкосновенных капиталов, составила в них 21,9 %, что помещает доход от «вечных вкладов» на третье место по значимости в бюджете данного органа (после целевых кружек и пожертвований по пригласительным листам)⁴⁸.

К середине XIX в. количество лиц, которым Тверское епархиальное попечительство оказывало помощь, многократно увеличилось по сравнению с началом 1820-х гг.: например, в 1851 г. на 1 620 человек было потрачено 11,1 тыс. руб. серебром (в среднем по 6,85 руб. на человека), а в 1857 г. на 1 590 человек отпущено 11,8 тыс. руб. (в среднем 7,42 руб. на человека). Из представленного видно, что из-за огромного количества нуждающихся выделяемые суммы были небольшими⁴⁹. Как констатировал в епархиальном отчете тверской архиерей, «вдовы, сироты и безместные священно- и церковнослужители непрестанно требуют себе физической помощи»⁵⁰. Таким образом, в выборе между избирательной (адресной) поддержкой в значительном размере и моделью «многим, но понемногу» решение принималось в пользу последней.

Вероятно, к смене финансовой стратегии (переход от накопления капитала к получению с него текущего дохода) попечительство подталкивала острота нужды неимущих представителей духовного сословия, при этом иные источники поступлений данного органа не могли покрыть расходную часть бюджета. Ввиду этого для предотвращения растраты находящихся в кредитных учреждениях «вечных вкладов» было решено начать их использование по прямому назначению. Однако у такого выбора был по крайней мере один существенный изъян: со временем и основные суммы, и производимые ими проценты обесценивались из-за инфляции⁵¹.

Среди неприкосновенных капиталов Тверского епархиального попечительства середины XIX в. обращает на себя внимание один необычный вклад, который упоминается в отчетных документах за 1858–1860 гг. Это были средства в размере 3 тыс. руб., которые внес один архиерей в пользу своего брата, являвшегося послушником Нило-Столобенской пустыни, т.е. в данном случае доход имел персонального получателя. Проценты по данному капиталу варьировались год от года: в 1858 г. они составили 89,40 руб. (что соответствует ставке в 2,98 % годовых), в 1859 г. – 74,25 руб. (2,475 % годовых), в 1860 г. – 71,7 руб. (2,39 % годовых)⁵². Причина этих колебаний требует уточнения. Применительно к представителям городского духовенства епархии таких «персональных» вкладов в исследуемый период не обнаружено.

⁴⁵ ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 657. Л. 4.

⁴⁶ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 6340. Л. 306; Ф. 318. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об.–5; Д. 9. Л. 1–4 об.

⁴⁷ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 6340. Л. 306; Ф. 318. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 об.–3.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 об.–3.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 5960. Л. 69; Д. 6340. Л. 66.

⁵⁰ Там же. Д. 5960. Л. 77.

⁵¹ [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве... Т. 2. С. 628.

⁵² ГАТО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–5; Д. 4. Л. 3 об.–5; Д. 9. Л. 3 об.–4 об.

В 1866 г. публицист Д.И. Ростиславов отмечал, что собранные в первой половине XIX в. епархиальными попечительствами Российской империи суммы составляли два-три их годовых прихода-расходных бюджета, что подтверждается на примере Тверской епархии⁵³. К сожалению, приходится констатировать, что данные накопления не смогли решить задачу, которая изначально перед ними ставилась: финансово обеспечить сферу духовного призрения за счет получаемых процентов. Таков был практический результат, несмотря на то, что на протяжении десятилетий все изыскиваемые и обнаруживаемые «излишки» неизменно отсылались в кредитные учреждения «для приращения».

Сам по себе такой механизм материального обеспечения социально значимых проектов не был новым: еще с 1809 г. по этой схеме предполагалось финансировать духовные училища для юношей, а в пореформенной России за счет капиталов намеревались решить проблему содержания женских духовных училищ и пр.⁵⁴ Впрочем, во всех случаях результат был приблизительно одинаковым: ценой невероятных усилий и за счет жесточайшей экономии удавалось сформировать «вечные вклады», проценты с которых, однако, лишь частично покрывали текущие расходы.

Подводя итог, можно констатировать, что на протяжении первой половины XIX в. в Тверской епархии – типичной провинциальной губернии центральной части Российской империи – наблюдается рост интереса к неприкосновенным капиталам как инструменту решения вопроса материального обеспечения представителей духовного сословия; данная проблема носила экономический характер, но имела скрытый социально-политический оттенок, что делает поиск путей выхода из нее важным коллективным социальным проектом.

С 1820-х гг. неприкосновенные капиталы получают достаточно широкое распространение в Тверской епархии: количество вкладов, вносимых в пользу городских храмов и причтов, увеличивается, а их размеры растут. К середине XIX в. 82,9 % городских церквей имели в качестве одной из статей дохода проценты с капиталов, при этом в среднем на них приходилось 7,3 % всех поступлений в пользу причтов. Несмотря на отдельные исключения, следует констатировать, что в целом роль «вечных вкладов» в деле материального обеспечения городского служащего духовенства в рассматриваемый период была невелика.

Формирование неприкосновенного капитала для обеспечения сферы духовного призрения начинается в Тверской епархии еще до появления профильного попечительства. С 1820-х гг. идет интенсивное накопление средств в виде вкладов в кредитных учреждениях (к 1860 г. – рост почти в 8 раз), однако в большинстве случаев эти суммы не приносили текущего дохода и были ориентированы на «приращение» капитала. Лишь в конце 1850-х гг. происходит изменение финансовой стратегии, когда делается выбор в пользу получения процентов для покрытия текущих нужд, а именно – для помощи неимущим лицам духовного звания, проживавшим в городах и в сельской округе. В результате к 1860 г. доход от «вечных вкладов» стал третьим по значимости для Тверского епархиального попечительства и обеспечил 21,9 % всех денежных поступлений данного органа. Впрочем, избранная модель поддержки нуждающихся – «многим, но понемногу» – из-за совершенной недостаточности выделяемых сумм зачастую превращала оказываемую финансовую помощь в формальное проявление внимания со стороны епархиального начальства.

Неприкосновенные капиталы – это важная и славная страница в истории дореволюционной русской благотворительности, которая демонстрирует высокий уровень социальной ответственности и стремление внести вклад в решение острых проблем, характерных для представителей самых разных частей русского общества.

⁵³ [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве... Т. 2. С. 616.

⁵⁴ Там же. С. 401–402, 633; Покотилова Т.Е. От сословного призрения и частной благотворительности к всеобщему социальному обеспечению в России // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 4. С. 105–106.

Литература

- [Белюстин И.С.] Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin [etc.]: A. Asher et C° [etc.], 1858. Т. 4. IV, 166, [1] с.
- Богданов А.И. Гавриил (Петров) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. X. Второзаконие – Георгий. С. 224–226.
- Гольдман В.К. Русские бумажные деньги: финансово-исторический очерк с обращением особенного внимания на настоящее финансовое затруднение России. СПб.: К.К. Ретгер, 1866. VIII, 236, [2] с.
- Гурьев А.Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1903. [2], IV, 253 с.
- Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви. 1700–1890. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 935 с.
- Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань: Унив. тип., 1873. [4], 851 с.
- Из истории провинциального духовенства: записки священника В.Ф. Владиславлева. Хрестоматия / сост. Д.А. Беговатов, Т.Г. Леонтьева. Тверь: СФК-офис, 2012. 302 с.
- Иконников С.А. Учреждение эмеритальных касс в епархиях Центрального Черноземья во второй половине XIX века: к истории вопроса // Манускрипт. 2018. № 6 (92). С. 22–26.
- Кильчевский В.А. Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908. 46 с.
- Кругликов А.С. К организационно-правовым аспектам деятельности Тобольского епархиального попечительства о бедных духовного звания // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 38. С. 117–141.
- Леонтьева Т.Г. Формирование и деятельность церковной интеллигенции Тверской губернии // Тверская старина. 1994. № 3. С. 3–27.
- Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.
- Литвак Б.Г. Русское православие в XIX в. // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 309–379.
- [Милош] Никодим (епископ). Православное церковное право. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1897. XX, 708 с.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
- Покотилова Т.Е. От сословного призрения и частной благотворительности к всеобщему социальному обеспечению в России // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 4. С. 103–108.
- Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 422, [1] с.
- Римский С.В. Российская Церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 1999. 567, [1] с.
- Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб.: Алетейя, 2003. 255 с.
- [Ростиславов Д.И.] О православном белом и черном духовенстве в России: в 2 т. Лейпциг: Франц Вагнер, 1866.
- Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1901. 232 с., [12] л. портр. ил.
- Рындзюнский П.Г. Церковь в дворянской империи (XVIII в.) // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 230–308.
- Спичак А.В. Система попечительства о женщинах духовного звания в Тобольской епархии в 1820–1830-х годах // Научный диалог. 2021. № 2. С. 385–402.
- Фиолетов Н.Н. Государство и церковь. М.: Типография Т-ва Рябушинских, 1917. 29 с.

Фриз Г.Л. Менталитет приходского священника: «Мнения» об улучшении быта духовенства 1863 года (Владимирская епархия) // Провинциальное духовенство дореволюционной России: сб. науч. тр. Тверь, 2008. Вып. 3. С. 128–143.

Шморх П. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 год // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Ч. CXXXVII. С. 772–847.

Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. XXXII, 507 p.

References

Begovatov, D.A., Leontyeva, T.G. (Comp.). (2012). *Iz istorii provintsial'nogo dukhovenstva: zapiski svyashchennika V.F. Vladislavleva. Khrestomatiya* [From the History of the Provincial Clergy: Notes by Priest V.F. Vladislavlev]. Anthology. Tver, SFK-ofis. 302 p.

[Belyustin, I.S.] (1858). *Opisanie sel'skogo dukhovenstva* [Description of the Rural Clergy]. In *Russkiy zagranichnyy sbornik*. T. 4. Berlin, A. Asher et C° [etc.]. IV, 166, [1] p.

Bogdanov, A.I. (2005). Gavriil (Petrov) [Gabriel (Petrov)]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya". Vol. X, pp. 224–226.

Dobroklonskiy, A.P. (1999). *Rukovodstvo po istorii russkoy tserkvi. 1700–1890* [A Guide to the History of the Russian Church. 1700–1890]. Moscow, Krutitskoe patriarshee podvor'e. 935 p.

Fioletov, N.N. (1917). *Gosudarstvo i tserkov'* [State and Church]. Moscow, Tipografiya T-va Ryabushinskikh. 29 p.

Friz, Gr.L. (2008). Mentalitet prikhodskogo svyashchennika: "Mneniya" ob uluchshenii byta dukhovenstva 1863 goda (Vladimirskaia eparkhiya) [The Mentality of a Parish Priest: "Opinions" on Improving the Life of the Clergy in 1863 (Vladimir Diocese)]. In *Provintsial'noe dukhovenstvo dorevolutsionnoy Rossii: sbornik nauchnykh trudov*. Tver, Tverskoy gosudarstvennyy universitet. Iss. 3, pp. 128–143.

Gol'dman, V.K. (1866). *Russkie bumazhnye den'gi: finansovo-istoricheskii ocherk s obrashcheniem osobennogo vnimaniya na nastoyashchee finansovoe zatrudnenie Rossii* [Russian Paper Money: A Financial and Historical Essay with Particular Attention to Russia's Current Financial Difficulty]. St. Petersburg, K.K. Retger. VIII, 236, [2] p.

Gur'ev, A.N. (1903). *Denezhnoe obrashchenie v Rossii v XIX stoletii. Istoricheskii ocherk* [Money Circulation in Russia in the 19th Century. Historical Essay]. St. Petersburg, Tipografiya V.F. Kirshbauma. [2], IV, 253 p.

Ikonnikov, S.A. (2018). *Uchrezhdenie emerital'nykh kass v eparkhiyakh Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroy polovine XIX veka: k istorii voprosa* [The Establishment of Emeritus Funds in the Dioceses of the Central Black Earth Region in the Second Half of the 19th Century: To the History of the Issue]. In *Manuskript*. No. 6 (92), pp. 22–26.

Kil'chevskiy, V.A. (1908). *Bogatstva i dokhody dukhovenstva* [Wealth and Income of the Clergy]. St. Petersburg. 46 p.

Kruglikov A.S. (2022). K organizatsionno-pravovym aspektam deyatelnosti Tobol'skogo eparkhial'nogo popечitel'stva o bednykh dukhovnogo zvaniya [On the Organizational and Legal Aspects of the Activities of the Tobolsk Diocesan Guardianship of the Poor Clergy]. In *Vestnik Yekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*. No. 38, pp. 117–141.

Leont'eva, T.G. (1994). Formirovanie i deyatelnost' tserkovnoy intelligentsii Tverskoy gubernii [Formation and Activities of the Church Intelligentsia of the Tver Province]. In *Tverskaya starina*. No. 3, pp. 3–27.

Leont'eva, T.G. (2002). *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Faith and Progress: Orthodox Rural Clergy of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Novyy khronograf. 272 p.

Litvak, B.G. (1989). Russkoe pravoslavie v XIX v. [Russian Orthodoxy in the 19th Century]. In *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii*. Moscow, Politizdat, pp. 309–379.

[Milosh], Nikodim (1897). *Pravoslavnoe tserkovnoe pravo* [Orthodox Church Law]. St. Petersburg, Tipografiya V.V. Komarova. XX, 708 p.

Mironov, B.N. (2000). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social History of Russia during the Imperial Period (18th – Early 20th Centuries): Genesis of the Individual, Democratic Family, Civil Society and the Rule of Law]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. Vol. 1. 548 p.

Pokotilova, T.E. (2020). Ot soslovnogo prizreniya i chastnoy blagotvoritel'nosti k vseobshchemu sotsial'nomu obespecheniyu v Rossii [From Class Charity and Private Charity to Universal Social Security in Russia]. In *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 103–108.

Pul'kin, M.V. (2009). *Pravoslavnyy prikhod i vlast' v seredine XVIII – nachale XX v.* [Orthodox Parish and Power in the Mid-18th – Early 20th Centuries]. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN. 422, [1] p.

Rimskiy, S.V. (1999). *Rossiyskaya Tserkov' v epokhu velikikh reform (Tserkovnye reformy v Rossii 1860–1870-kh godov)* [The Russian Church in the Era of Great Reforms (Church Reforms in Russia in the 1860s–1870s)]. Moscow, Krutitskoe Patriarshee Podvor'e, Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii. 567, [1] p.

[Rostislavov, D.I.] (1866). *O pravoslavnom belom i chernom dukhovenstve v Rossii* [About the Orthodox White and Black Clergy]. In 2 Vol. Leyptsig, Frants Vagner.

Rozov, A.N. (2003). *Svyashchennik v dukhovnoy zhizni russkoy derevni* [The Priest in the Spiritual Life of the Russian Village]. St. Petersburg, Aleteyya. 255 p.

Runkevich, S.G. (1901). *Russkaya tserkov' v XIX veke* [Russian Church in the 19th Century]. St. Petersburg, Tipografiya A.P. Lopukhina. 232 p.

Ryndzyunskiy, P.G. (1989). Tserkov' v dvoryanskoy imperii (XVIII v.) [Church in the Noble Empire (18th Century)]. In *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii*. Moscow, Politizdat, pp. 230–308.

Shtorkh, P. (1868). *Materialy dlya istorii gosudarstvennykh denezhnykh znakov v Rossii s 1653 po 1840 god* [Materials for the History of State Banknotes in Russia from 1653 to 1840]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Iss. CXXXVII, pp. 772–847.

Spichak, A.V. (2021). Sistema popechitel'stva o zhenshchinakh dukhovnogo zvaniya v Tobol'skoy eparkhii v 1820–1830-kh godakh [The System of Care for Women of the Clergy in the Tobol'sk Diocese in the 1820s and 1830s]. In *Nauchnyy dialog*. No. 2, pp. 385–402.

Vasil'evskiy, I. (1889). Vitse-direktor auditoriatskogo departamenta Zinoviy Vasil'evich Vishnyakov kak blagotvoritel' bednogo dukhovenstva Tverskoy eparkhii [Vice-Director of the Audit Department Zinoviy Vasilyevich Vishnyakov as a Benefactor of the Poor Clergy of the Tver Diocese]. In *Tverskie eparkhial'nye vedomosti*. No. 19 (neofitsial'naya chast'), pp. 689–698; No. 21 (neofitsial'naya chast'), pp. 760–770.

Znamenskiy, P.V. (1873). *Prihodskoe dukhovenstvo v Rossii so vremeni reformy Petra* [Parish Clergy in Russia Since the Reform of Peter]. Kazan, Univ. tip. [4], 851 p.